
Т.В. Гимон

УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ О СОБЫТИЯХ XI в. В СРЕДНЕВЕКОВОМ НОВГОРОДЕ*

В статье анализируется то, как в письменных источниках отразились четыре сюжета из истории Новгорода XI в.: выдача Ярославом Мудрым новгородцам «грамоты»; смерть жены Ярослава в год строительства Софийского собора; войны с чудью ок. 1060 г.; нападение Всеслава Полоцкого на Новгород. Автор показывает, что в этих четырех случаях за летописными известиями стояли устные предания, и старается, насколько возможно, проанализировать эволюцию этих преданий в XI – первой половине XV в.

Ключевые слова: Древняя Русь, Новгород, устная традиция, предания, летописание, текстология, источниковедение, Ярослав Мудрый, чудь, Всеслав Полоцкий.

Устной исторической традицией и ее отражением в древнерусских письменных источниках занимаются многие исследователи. Прежде всего внимание привлекает начальное летописание и его устные источники по древнейшей истории Руси¹. С другой стороны, немало работ посвящено поздним текстам, отразившим устную традицию, – от памятников Куликовского цикла до позднейших записей былин². Уделялось внимание устным источникам житийных текстов³. Хотя вряд ли кто-то будет отрицать, что, скажем, в XII или XIII в., когда уже давно велось летописание, бытовали и устные предания о прошлом, вопрос о них почти не ставился в науке. Внимание привлекали лишь

* Замысел этого исследования родился благодаря разговору с Галиной Васильевной Глазыриной. Я также признателен Ю.А. Артамонову, Е.А. Мельниковой, А.С. Щавелеву и другим участникам обсуждения моего доклада на заседании центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» ИВИ РАН 30 ноября 2016 г.

¹ См. историографический очерк: Щавелев 2007. С. 24–48. Из новейших работ см.: Мельникова 1999; 2003; 2011. С. 173–240; Назаренко 2000; Щавелев 2007; Введенский 2008; Гимон 2013.

² Комарович 1936; Азбелев 1982; 2011; и мн. др.

³ Ключевский 1871; Рыжова 2009; Конявская 2010; Усачёв 2010; и др.

отдельные летописные свидетельства существования исторической памяти о тех или иных событиях или фигурах прошлого⁴.

Применительно к Новгороду изучались опять же главным образом или устные источники летописных сообщений о событиях IX–X вв. (о Гостомысле, призвании варягов, Владимире и Добрыне, крещении Новгорода и т.д.), или фольклорные сюжеты, нашедшие отражение в записях XV–XVII вв. и былинах⁵. Что же касается эпохи между XI и XV вв., то здесь обращалось внимание на несколько конкретных известий, отсылающих к исторической памяти новгородцев. Наиболее яркое из них содержится в Новгородской I летописи (далее: Н1) под 1216 г., в рассказе о битве на Липице: новгородцы перед сражением спешили, сказав Мстиславу: «кнѣняже, не хочемъ измерети на конихъ, нъ яко отчи наши билися на Кулачьскѣи пѣши» (ПСРЛ. Т. 3. С. 56). Имеется в виду, видимо, сражение «на Кулачьскѣи» 1096 г. (Радзивилловская летопись сообщает, что в ходе этой битвы «сседоша с коней новгородци»⁶). На эти слова как на свидетельство об исторической памяти новгородцев обращали внимание Д.С. Лихачёв (1985. С. 77; ПВЛ 1996. С. 533) и А.С. Щавелев (2009. С. 264–273). Лихачёв (1985. С. 76–77) также отметил два известия Ипатьевской летописи, отсылающих к историческим воспоминаниям новгородцев: в 1148 г. они говорят Изяславу: «ты наш Володимиръ, ты наш Мьстиславъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 370), а в 1178 г. вспоминают обиду, некогда нанесенную им Всеславом Полоцким, – об этом втором известии пойдет речь ниже. Также, по мнению Лихачёва (1985. С. 85), в «Слове о полку Игореве» с Ярославом Мудрым связывается «начало новгородской славы», т.е. отразились новгородские «народные представления» об этом князе.

На мой взгляд, перспективное направление в исследовании устной исторической традиции связано с изучением *поздних летописных известий о ранних событиях*. Очень часто в более поздних летописных памятниках мы находим дополнительные – в сравнении с более ранними известными нам текстами – сообщения о древних событиях (классический пример – серия известий Никоновской летописи о

⁴ Лихачёв 1985. С. 76–79; Котляр 2000; 2008; Плахонин 2002.

⁵ Кроме работ, указанных в примеч. 1–2, см. например: Азбелев 2007; Введенский 2009; Мусин 2012.

⁶ ПСРЛ. Т. 38. С. 94. Поскольку этих слов нет в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, не исключено, что перед нами вставка редактора, знавшего новгородскую устную традицию. Менее вероятен независимый гаплографический пропуск между словами «новгородци» в разных списках ПВЛ.

событиях IX–X вв.)⁷. Всякий раз исследователи оказываются перед необходимостью выбора одной из трех возможностей:

1) эти известия восходят к несохранившемуся древнему письменному источнику (или к более полной, нежели известная нам, версии источника сохранившегося);

2) эти известия сочинены (сконструированы) создателем позднего памятника;

3) сведения восходят к устной традиции.

О письменном источнике есть основания говорить в тех случаях, когда, например, «уникальные» известия образуют группу, для которой можно определить исходный жанр и время создания, или же когда в разных источниках обнаруживаются текстуально родственные фрагменты. Сочинительство позднейшего автора можно подозревать тогда, когда удастся выявить литературные образцы, механизм такого сочинительства и/или его мотив. В пользу устной традиции должен, как кажется, работать принцип «неумножения сущностей». Когда у нас нет положительных оснований возводить то или иное известие к письменному источнику или к сочинительству позднейшего автора, устное происхождение кажется *a priori* довольно вероятным. Однако это, конечно, не научное доказательство⁸.

А.С. Щавелев указывает ряд критериев возведения той или иной информации к устной традиции: прямая ссылка на устный источник; концентрация внимания на определенном (часто второстепенном) персонаже; указание на наличие конкурирующих версий (или просто наличие таковых в сохранившихся памятниках); присутствие «малых форм фольклора» (поговорок, загадок); ссылки на мифологические имена, топонимы, знаковые артефакты; лингвистические особенности, выдающие не книжное происхождение фрагмента⁹. Более проблематичны такие критерии, как наличие в тексте речей (диалогов) и характерных «устных формул» (Щавелев 2007. С. 83–104; 2010).

Думаю, что при выяснении устного происхождения *поздних известий о ранних событиях* из названных критериев на первый план выходит *вариативность* (наличие в источниках конкуриру-

⁷ См. о таких известиях: Клосс 1980. С. 181–189; Лурье 1997; Усачёв 2011.

⁸ Ср. скептическое отношение к «всёобъясняющей устной традиции» (Лукин 2014. С. 51).

⁹ Об этом критерии см. также: Введенский 2008.

ющих версий того или иного сюжета). Вариативность, как известно, – неотъемлемая черта фольклора, но в данном случае она может служить критерием устного происхождения информации только в сочетании со *значимостью* – особым вниманием летописцев (как минимум двоих) к какому-либо сюжету.

Если мы видим, что некое событие пользуется особенным вниманием летописцев-сводчиков; если на каждом новом этапе летописной работы оно освещается по-новому (например, меняются ключевые персонажи, последовательность событий, появляются новые детали и т.п.); если летописцы как бы заочно спорят друг с другом, – не означает ли всё это, что данный сюжет был известен книжникам из устной традиции? Не имеем ли мы дело с сюжетом, *значимым* для исторической памяти средневекового общества и, как следствие, ставшим объектом вариативных устных преданий?

Попробую под таким углом зрения проанализировать четыре конкретных сюжета из новгородской истории XI в. Я буду рассматривать то, как эти сюжеты отразились в письменных памятниках XI – первой половины XV в.

Регулярное ведение летописи в Новгороде началось в 1110-х годах, а в XI в., по-видимому, имели место лишь сравнительно робкие опыты записи исторических событий. Популярная в науке гипотеза о новгородском своде середины (или второй половины) XI в., на мой взгляд, не подтверждается. При этом сведения о новгородских событиях XI в. присутствуют во многих памятниках – киевской «Повести временных лет» (ПВЛ); старшем и младшем изводах Новгородской I летописи (Син., Н1мл.); летописях новгородско-софийской группы (НСГ): двух подборках Новгородской Карамзинской (НК1, НК2), Софийской I (С1), Новгородской IV (Н4); Тверском сборнике (Тв.); новгородских перечнях князей и епископов; и др. Какая-то часть этих сведений восходит к записям современников, другие появлялись на более поздних этапах летописной работы (я исхожу из выводов, сделанных в: Гимон 2012).

Текстологические выводы зачастую не бесспорны. Однако вариативность сообщений о новгородских событиях XI в. существует вне зависимости от того, как конкретно мы реконструируем историю сложения летописных текстов. Поэтому само предлагаемое в настоящей статье *доказательство устного происхождения* того или иного сюжета, как кажется, не утратит силу в случае пересмотра текстологических выводов. Утратить силу могут лишь датировки записи конкретных версий того или иного предания.

«Ярослави грамоты». Под 1228, 1229, 1230 и 1339 гг. в Н1 упоминаются «Ярослави грамоты», на которых целовали крест новгородские князья¹⁰. Предполагалось, что это или несохранившиеся льготные грамоты (касавшиеся выплаты дани или, может быть даже, политической «вольности» Новгорода), или же Русская Правда (Древнейшая Правда Ярослава Мудрого или вся Краткая Правда). Выдавшего эти «грамоты» Ярослава чаще всего отождествляют с Ярославом Мудрым, но иногда – с Ярославом Владимировичем, княжившим в Новгороде в конце XII в.¹¹ Как бы ни трактовать содержание «Ярославских грамот», нет сомнений, что вокруг них должна была существовать устная традиция, объяснявшая, что это за грамоты и при каких обстоятельствах они были выданы Новгороду Ярославом¹².

И следы этой традиции у нас имеются: в разных памятниках видим сообщения о даровании Ярославом Мудрым «грамоты», «правды» или «устава», по которым новгородцы должны были «ходить». Об этом говорится в летописях под 1016 (или 1019, 1020) и 1036 (или 1034) гг., а также в перечнях новгородских князей. Многие исследователи понимали сообщения 1016 и 1036 гг. как записи о двух *разных* документах, выданных Ярославом¹³. Подобное *буквальное* понимание летописных известий и дат оправданно, если считать все эти сообщения восходящими к одному древнему источнику – новгородскому своду XI в. Однако, как я уже писал, шахматовская гипотеза об этом своде вряд ли верна; скорее, сообщения о новгородских событиях XI в., читающиеся ныне в разных памятниках, имеют и разное происхождение. А значит – более вероятно, что известия, о которых идет речь, отражают разные записи одного и того же важного для новгородцев сюжета: выдачи Ярославом Новгороду «грамоты».

В другой статье я уже попытался реконструировать историю летописных сообщений о «правде», «уставе» и «грамоте» Ярослава (Ги-

¹⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 67–68, 70, 350. Кроме того, есть летописные свидетельства, в общем виде говорящие о новгородской традиции приписывать древним князьям некие льготы Новгороду: в Н1 под 1209 г. и в Лаврентьевской летописи под 1169 г. (Там же. С. 50; Т. 1. Стб. 362). О «московском» варианте традиции о «Ярославских грамотах» (конец XV – XVI в.) см.: Петров 2003. С. 67–68.

¹¹ См. историографический обзор: Петров 2003. С. 71–87.

¹² В связи с проблемой исторической памяти об этих грамотах упоминает Н.Ф. Котляр (2008. С. 206–207).

¹³ См., например: Шахматов 2002. С. 338–339, 342; Зимин 1999. С. 89–98, 126–132; Гринёв 1989. С. 32, 41.

мон 2012. С. 687–691)¹⁴, однако здесь необходимо снова вернуться к этому сюжету. В источниках имеются две его основные версии¹⁵.

1) Летописи НСГ сообщают, что Ярослав в 1036 г., посадив в Новгороде своего сына Владимира и епископа Жидяту, «людем написа грамоту, рекъ: “По сеи грамотѣ дайте дань”» (цит. по НК1: ПСРЛ. Т. 42. С. 63; полагаю, что это известие, как и ряд других, происходит из киевского Начального свода 1090-х годов, в котором могло быть записано со слов Яня Вышатича¹⁶). Практически та же версия отразилась в перечне новгородских князей (на мой взгляд, первоначальная его редакция была создана в 1095 г.: Гимон 2012. С. 595–606): Ярослав посадил в Новгороде своего сына Владимира, «и писа грамоту Ярославъ, рекъ тако: “по сеи грамотѣ ходите”» (ПСРЛ. Т. 3. С. 161). Не могу сказать, независимы ли эти две записи одна от другой. Создатель первоначального перечня мог опираться на Начальный свод, который в 1090-х годах, вероятно, попал в Новгород (Там же. С. 627–631, 689). И, наоборот, сводчик XV в. (создатель первой версии НСГ), несомненно, пользовался новгородскими перечнями¹⁷. Но вполне возможно и то, что два автора конца XI в. независимо друг от друга зафиксировали одну и ту же версию предания, актуальную на тот момент¹⁸.

2) Согласно Н1мл., Ярослав в 1016 г., наградив новгородцев за помощь в борьбе против Святополка Окаянного, «давъ имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: “по се грамотѣ ходите, якоже списах вамъ, такоже держите”» (Там же. С. 175–176). После этого

¹⁴ Категорически не принимает мои рассуждения К. Цукерман (2014. С. 115, примеч. 32; С. 122, примеч. 64).

¹⁵ В НСГ присутствуют обе версии, под разными годами. На мой взгляд, это не более чем результат стремления сводчика начала XV в. к максимальному учету информации его источников – см.: Там же. С. 690–691. В родословии князей присутствует краткое, но оригинальное упоминание о «грамоте» Ярослава – см. примеч. 26.

¹⁶ О том, почему это новгородское (по содержанию и по духу) известие все-таки можно возвести к киевскому источнику, см.: Гимон 2012. С. 688.

¹⁷ Однако считаю маловероятным, что в НСГ это сообщение попало из перечня: в нем есть избыточные, в сравнении с перечнем, подробности, и оно – к тому же – вписывается в группу сообщений за XI в., большинство из которых к перечню не возводимы (см.: Гимон 2012. С. 657–659).

¹⁸ К. Цукерман, возражая мне, иронично пишет: «...идея, что предписание руководствоваться письменным текстом происходит из устной традиции, причем столь ранней, кажется мне парадоксальной» (2014. С. 115, примеч. 32). Что здесь парадоксального, мне не ясно. Как говорилось чуть выше, у нас есть вполне определенные указания на существование «Ярославлих грамот» (письменных текстов!), но нет и никаких сомнений, что вокруг этих грамот существовала устная традиция.

приводится текст Краткой Правды. Вслед за А.А. Гиппиусом атрибутирую эту версию сводчику 1160-х годов, переработавшему начальную часть новгородской владычной летописи¹⁹.

В более ранней редакции владычной летописи, отразившейся в Син., о «грамоте» Ярослава вообще не упоминалось (ни под 1016, ни под 1036 г.). В ней говорилось только, под 1016 г., о награждении новгородцев Ярославом после победы над Святополком: «...а Ярослав иде Киеву, и сѣде на столѣ отца своего Володимира. И нача вое свое дѣлити: старостамъ по 10 гривень, а смердомъ по гривнѣ, а новъгородьчемъ по 10 всѣмъ; и отпусти я домовъ вся» (Там же. С. 15). Сводчик 1160-х годов добавил к этому процитированную фразу о «правде и уставе» и текст Русской Правды.

Версию о выдаче Ярославом «грамоты» в момент вокняжения в Новгороде Владимира сводчик, скорее всего, знал, ибо эта версия излагалась в перечне новгородских князей, который тот же самый сводчик продолжил сведениями за XII в.²⁰ Почему же он не воспользовался старой версией, но предложил другую – удревнил выдачу «грамоты» и отождествил ее с Краткой Правдой? Опирался ли этот сводчик на альтернативную версию устного предания, или сконструировал новую версию сам?

Удревнение «грамоты» могло быть спровоцировано самой логикой построения летописного текста. Дело в том, что в новгородской владычной летописи (как в ранней версии, отразившейся в Син., так и в версии, вышедшей из-под пера сводчика 1160-х годов и отразившейся в Н1мл.) 1016 год выглядел рубежным. И в Син., и в Н1мл. здесь заканчивается подробное повествование о борьбе Ярослава за киевский стол и начинается ряд сверхкратких,

¹⁹ Гиппиус 1997. С. 62–63; Гимон 2012. С. 641–644. Вопрос о времени попадания Краткой Правды в летопись имеет огромную историографию. Многие ученые датируют его XV в. (последняя работа: Цукерман 2014. С. 110–123). Я исхожу из того, что весь комплекс новшеств Н1мл. в тексте за XI в. проще датировать одним временем. Важнейшее основание датировать этот комплекс XII, а не XV в. – упоминание под 1049 г. церкви Бориса и Глеба, которую «нынѣ поставилъ Сотъке» (церковь была заложена Сodik Сътиничем в 1167 и освящена в 1173 г.).

²⁰ Н.Н. Гринѣв считает перечни в статье 989 г. и Краткую Правду в статье 1016 г. вставками одного книжника, обращая внимание, помимо прочего, как раз на то, что в обоих случаях упомянута грамота Ярослава, по которой надо «ходить» (1989. С. 20–42. С. 23–24). К этому присоединился А.А. Гиппиус (1997. С. 62–63). На мой взгляд, основа перечней появилась раньше, в 1090-х годах, но сводчик 1160-х годов их продолжил, а может быть даже впервые включил в летопись под 989 г. (Гимон 2012. С. 595–606).

зачастую «пустых» погодных статей. «Подробная» часть летописи завершается словами о награждении Ярославом новгородцев, что как бы отмечает окончание совместной с Киевом истории и начало «отдельной» истории Новгорода²¹. При таком видении именно сюда логично было поместить сообщение о выдаче Ярославом столь важной для Новгорода «грамоты». Это, конечно, могло быть чисто «литературным» решением сводчика 1160-х годов.

Но для чего этой «грамотой» сводчик сделал Краткую Правду, собрав из четырех разновременных документов, к середине XII в. утративших юридическую актуальность²²? И.А. Стратонов (1920. С. 33–39), с которым согласились Н.Н. Гринёв (1989. С. 23–24, 42) и А.А. Гиппиус (1997. С. 63), считал, что Краткая Правда как целое и возникла под пером новгородского сводчика 1160-х годов. Однако мотивы этого соединения, равно как и отождествления Краткой Правды с «Ярославовыми грамотами», понять трудно. Понять действия сводчика можно только предположив, что к моменту его работы Краткая Правда уже представляла собой единый комплекс текстов, ассоциировавшийся с именем Ярослава и считавшийся его «грамотами».

Итак, вопрос о «Ярославских грамотах» может быть, на мой взгляд, разрешен следующим образом. В конце XI в. в Новгороде и Киеве помнили о том, что Ярослав, посадив в Новгороде сына Владимира, издал «грамоту» (одну), по которой новгородцы должны были «ходить» (согласно перечню князей) или «давать дань» (согласно НСГ/Начальному своду). Была ли эта «грамота» тождественна Древнейшей Правде²³ или, скажем, «Покону вирному»²⁴, можно только гадать. Позднее, в XII в. сложилось представление о «Ярославских грамотах» (во множественном числе), каковыми считались четыре

²¹ Лихачёв 1948. С. 263–264; Гимон 2012. С. 617–618 (в этой статье я упустил, что такую мысль уже высказывал Д.С. Лихачёв).

²² Краткая Правда состоит из четырех изначально самостоятельных документов: Древнейшей Правды, или Правды Ярослава (ст. 1–18), Правды Ярославичей (ст. 19–41), «Покона вирного» (ст. 42) и «Урока мостникам» (ст. 43). Из важнейших работ о Краткой Правде см.: Зимин 1999. С. 31–150; Гринёв 1989; Цукерман 2014. Особняком стоит гипотеза о составлении Краткой Правды в XV в.: Толочко 2009.

²³ Многие исследователи полагают, что Древнейшая Правда (ст. 1–18 Краткой Правды) была издана для Новгорода, возможно – и впрямь после победы Ярослава над Святополком, как об этом рассказывается в Н1мл. (см.: Черепнин 1948. Т. 1. С. 242–249; Зимин 1999. С. 89–98; Гринёв 1989. С. 34–41; Никольский 2008).

²⁴ Гипотезу о том, что именно «Покон вирный» (ст. 42 Краткой Правды) Ярослав в 1036 г. выдал новгородцам, см.: Зимин 1999. С. 126–132; Гринёв 1989. С. 29–32; Гиппиус 1997. С. 63.

документа, составляющих Краткую Правду. Можно предположить, что хранившаяся в Софийском соборе пергаменная тетрадь (?) с текстом всех четырех документов²⁵ воспринималась как древняя реликвия, связанная с именем Ярослава, – и именно в этом качестве была скопирована сводчиком 1160-х годов в завершение статьи 1016 г. И именно на ней в XIII–XIV вв. целовали крест князья²⁶.

Поэтому, вопреки мнению многих ученых²⁷, мне не кажется необходимым искать в «Ярославлих грамотах» какое-то конкретное содержание, актуальное для новгородско-княжеских отношений XIII–XIV вв. «Целование креста» «на всех грамотах Ярославлих» – не что иное, как ритуал, демонстрирующий приверженность нового князя новгородским традициям. Их материальным символом были древние документы, ассоциировавшиеся с именем Ярослава. Конкретное содержание этих традиций передавалось изустно и было, вполне возможно, изменчивым. А рассмотренные только что известия источников о выдаче Ярославом «грамоты», «правды» и «устава» всего лишь говорят нам – к сожалению, очень кратко – о том, что в Новгороде в разное время *рассказывали* о появлении этих документов.

Смерть жены Ярослава Мудрого. Сообщение об этом событии встречается во многих летописях, однако под разными годами, в разном контексте и с разными формулировками. В Син. этого известия нет вообще. В ПВЛ оно читается под 1050 г., составляя единственное содержание этой статьи («В лѣто 6558. Преставися жена Ярославля княгыни») [ПСРЛ. Т. 1. Стб. 155]). В Н1мл. его находим в той же редакции и под тем же годом, но прежде говорится о завершении строительства Софийского собора:

²⁵ Думаю, что четыре документа могли быть переписаны вместе уже в XI в., воспринимаясь как дополнявшие друг друга княжеские постановления. Ср. Пространную Правду, включающую в себя законодательство разных князей. Ср. также законы королей Кента VII в., которые дошли до нас в виде единой подборки, где постановления каждого нового короля продолжают законодательство предыдущего (см.: Земляков 2014. С. 12–17).

²⁶ Родословие князей, составленное в Новгороде в 1420-х годах (Янин 1981. С. 158–159), знает снова *одну* грамоту: «Володимеръ роди Ярослава, его же грамота въ Великомъ Новѣгородѣ» (ПСРЛ. Т. 3. С. 465). Здесь можно видеть или влияние перечня князей, или очередное проявление вариативности устной традиции. На миниатюре Лицевого свода XVI в. изображены *две* грамоты (Арциховский 2004. С. 184), но здесь художник явно шел за текстом, сообщавшим о присяге на грамотах.

²⁷ См. примеч. 11. В самом общем виде ср.: «...невозможно заподозрить, что этот несуразный текст (Краткая Правда. – Т.Г.) служил для принесения присяги...» (Цукерман 2014. С. 111).

В лѣто 6558. Свершена бысть святая Софѣа в Новѣгородѣ, повелѣниемъ князя Ярослава и сына его Володимира и архиепископа Луки. И преставися жена Ярослава княгыни (Там же. Т. 3. С. 181).

В НК1 о смерти княгини сообщается дважды:

В лѣто 6549 [1041]... Того же лѣта умре княгини, мати Володимиря, жена Ярослава, месяца октябрь в 5 день, в лѣто 1-е, егда нача здати святую Софию. <...>

В лѣто 6553 [1045]. Заложил Володимиръ святую Софию в Новѣграде. Того же лѣта умре княгини, мати Володимиря, жена Ярослава, месяца октябрь 5 день (Там же. Т. 42. С. 64).

При этом о строительстве какого-либо из Софийских соборов под 1041 г. ни в НК1, ни в какой-либо другой летописи не говорится. В С1 старшего извода, как и в Н1мл., о смерти жены Ярослава сказано под 1050 г., однако сообщается дневная дата, причем отличная от той, что находим в обоих известиях НК1, – не 5 октября, а 14 февраля. То же находим в Тв. и С1 младшего извода, однако с датой 10 февраля (причем эта дата совпадает с той, что дает Ипатьевская летопись²⁸). В Н4 о смерти жены Ярослава вообще не говорится.

Соотношение между всеми названными текстами в части за XI в. – сложное, однако в том, что касается смерти жены Ярослава, оно особенно причудливо. А.Г. Бобров предположил следующее:

...в обоих случаях составитель НК1 исходил из того убеждения, что княгиня умерла в год *основания* Софийского собора, хотя в Н1мл. сообщение о смерти княгини присоединено к известию о *завершении* строительства новгородской Софии... Так как в Н1ст. (т.е. в Син. – Т.Г.) нет никаких известий о смерти жены Ярослава, можно полагать, что в Новгороде дата ее кончины стала известна только через посредство ПВЛ... что подтверждается дословным совпадением формулировок ПВЛ и Н1мл. В таком случае известие Н1мл. следует считать вторичным, возникшим под влиянием ПВЛ в составе С1. Действительно, если бы в новгородском источнике составителя НК1 (бесспорно, новгородца!) читалось это сообщение, он не гадал бы о дате смерти княгини, помещая его под двумя разными годами. Видимо, сообщение ПВЛ о том, что жена Ярослава умерла в 6558 (1050) г., противоречило его собствен-

²⁸ ПСРЛ. Т. 5. 1-е изд. С. 138; Т. 6, вып. 1. С. 181; Т. 15, вып. 1. С. 150; Т. 2. Стб. 143. В других, кроме Ипатьевского, списках ПВЛ этой даты нет.

ному «знанию» (возможно, устному), что дата ее смерти совпадает с датой основания Софийского собора, и летописец проигнорировал этот источник. Составитель протографа С1, напротив, предпочел догадкам НК1 авторитетное свидетельство ПВЛ, автор же Н4 счел недостоверными все предположения и сократил их (Бобров 2001. С. 105–106).

Итак, исследователь предполагает, что первоисточником всех этих известий была устная традиция, донесшая до летописцев XV в. память о том, что княгиня умерла в первый год строительства Софийского собора. С этой мыслью можно согласиться, хотя и с некоторыми поправками.

Важно подчеркнуть: мы имеем фактически *три разных* записи, в которых смерть княгини каким-то образом связывается со строительством Софийского собора:

- 1) под 1041 г. в НК1 (здесь сказано «в лѣто 1-е, егда нача здати святыю Софию»);
- 2) под 1045 г. в НК1 (здесь говорится вначале о закладке новгородской Софии, а затем о смерти княгини);
- 3) под 1050 г. в Н1мл., С1 и Тв. (сказано о завершении строительства Софии, а затем – о смерти княгини).

Совершенно очевидно, что за всеми тремя случаями стоит уверенность летописцев в том, что княгиня умерла в год строительства Софийского собора, эксплицитно выраженная в статье 1041 г. НК1. Уверенность эта могла проистекать или из письменного источника (который, однако, не содержал абсолютной даты), или из устной традиции.

А.Г. Бобров считает известие Н1мл. возникшим уже под влиянием НСГ, в XV в. Однако мне представляется, что прав А.А. Гиппиус, датирующий весь комплекс уникальных сообщений Н1мл. за XI в., в том числе и о Софийском соборе, 1160-ми годами (см.: Гиппиус 1997. С. 34–64; Гимон 2012. С. 641–650). Сводчик 1160-х годов работал с ПВЛ (Гиппиус 1997. С. 56; см. также: Гимон 2012. С. 642, примеч. 207) и, следовательно, именно оттуда заимствовал известие о смерти жены Ярослава под 1050 г. (кстати, в ПВЛ и Н1мл. совпадающее дословно). Значит, книжник 1160-х годов не смерть княгини «привязал» к строительству собора, но, наоборот, завершение строительства Софии приурочил к дате смерти княгини. А отсюда делаем вывод: уже в 60-х годах XII в. существовало представление о том, что княгиня умерла в год строительства Софии.

Что касается двух известий НК1, то они, видимо, действительно отражают искания составителя этого памятника, работавшего уже

в XV в. По крайней мере, нет никаких оснований относить их к более раннему времени. При этом оба известия НК1 *никак не возводимы* к сообщению Н1мл. (при том, что создатель НК1, конечно, пользовался текстом, практически идентичным Н1мл.). Напротив, создатель НК1 был убежден, что княгиня умерла в первый год от *основания* Софийского собора, и его не удовлетворило сообщение Н1мл. о ее смерти в год *завершения строительства* храма.

Второе из сообщений НК1 вполне логично расположено рядом с известием о закладке Софийского собора, под 1045 г. Труднее понять, почему первое из сообщений НК1 оказалось под 1041 г., т.е. за четыре года до закладки новгородской Софии. Учитывая, однако, что обоих этих известий нет ни в С1, ни в Н4, ни в Тв., рискну предположить, что оба они были первоначально глоссами, отражавшими процесс выяснения летописцем истинной даты смерти княгини.

Как бы то ни было, очевидно, что одно и то же представление – о кончине жены Ярослава в год строительства Софийского собора – отразилось в работе сводчиков XII и XV вв. Сводчик XV в. не основывался на данных сводчика XII в., но, наоборот, спорил с ним, считая информацию о смерти княгини в год *закладки* собора более достоверной²⁹.

Каков был источник этого представления? Н1мл. под 1439 г. сообщает о канонизации Владимира Ярославича и его матери:

Того же лѣта архиепископъ Еуфимии позлати гробъ князя Володимера, внука великого Володимера, и подписа; такоже и матери его гробъ подписа, и покровъ положи, и память имъ устави творити на всякое лѣто мѣсяца октября в 4 (ПСРЛ. Т. 3. С. 420).

До 1439 г. вряд ли существовала соответствующая месяце-словная запись и, как резонно полагает А.Г. Бобров, «“память” была изустной» (2001. С. 106, примеч. 63).

Приведу два соображения в пользу устного происхождения летописных известий о смерти жены Ярослава. Во-первых, сводчик 1160-х годов соотнес смерть жены Ярослава с окончанием стро-

²⁹ Форму аориста единственного числа («начя»), употребленную в НК1 под 1041 г., было бы заманчиво трактовать в том смысле, что, по мнению летописца, княгиня сама и являлась заказчиком строительства. Однако более вероятна ошибка переписчика или даже самого сводчика, ненамеренно написавшего «начя» вместо «начаша».

ительства Софийского собора, а сводчик начала XV в. – с его закладкой. Во-вторых, схожую изменчивость мы уже видели в вопросе о том, в какой день умерла княгиня (разные летописи называют 5 октября, 10 и 14 февраля, а в 1439 г. память Владимира Ярославича и ее матери была установлена 4 октября)³⁰. Подобная изменчивость, конечно, говорит в пользу устной традиции.

Источники XVI–XVII вв. отразили представление о том, что жену Ярослава и мать Владимира звали Анной³¹. Как справедливо пишет В.Л. Янин, уже в момент канонизации сына и жены Ярослава в 1439 г. княгиню «как-то должны были именовать» (1988. С. 138), и, скорее всего, ее именовали Анной (Назаренко 2001. С. 490; Карпов 2001. С. 469, примеч. 27). Из «Слова о законе и благодати» Илариона мы знаем другое имя жены Ярослава: Ирина (она же известна по скандинавским источникам как Ингигерд). Н.М. Карамзин и ряд других авторов предполагали, что Анна – монашеское имя Ирины³². В.Л. Янин считает Анну «лицом сугубо мифическим» (1988. С. 139). А.В. Назаренко убедительно показал, что брак с Ириной (1019 г.) не мог быть первым браком Ярослава. При этом могила жены Ярослава Мудрого известна как в новгородском, так и в киевском Софийских соборах. Если киевское захоронение уверенно атрибутируется Ирине, то новгородское теоретически может принадлежать первой жене Ярослава. Ученый предполагает, что имя «Анна», сохранившееся в новгородском предании, принадлежало этой первой жене. Предание лишь ошибочно считало Анну матерью Владимира – в действительности она могла быть матерью только Ильи, старшего сына Ярослава, княжившего в Новгороде до Владимира. «Смутное воспоминание» об Илье и послужило причиной путаницы (Назаренко 2001. С. 489–491).

Если эта гипотеза верна, то получается, что новгородское предание соединило черты двух жен Ярослава Мудрого: мать Владимира, умершая в год строительства Софии, – это, скорее, Ирина; Анна, чье захоронение находилось в новгородской Софии, – это, скорее, первая жена. Однако те элементы предания, которые отсылают к

³⁰ В позднейших месяцесловах фигурируют два дня: 4 октября как память Владимира и его матери Анны и 10 февраля как память Анны (Сергий 1997. Т. 2. С. 40, 308).

³¹ Впервые – в грамоте Ивана IV о днях поминовения государевых родителей и прародителей (1556 г.), затем – в ряде летописей, описей и других источников XVII в. (см.: Янин 1988. С. 128–129, 135–136, 138; Назаренко 2001. С. 490).

³² См. отсылки: Назаренко 2001. С. 491. Сводку данных и библиографию по этому вопросу см.: Карпов 2001. С. 67, 469–470, 486, 488.

Ирине, фиксируются и в своде 1160-х годов (составитель которого приурочил завершение Софийского собора к смерти жены Ярослава), и в начале XV в.; элементы же, предположительно отсылающие к первой жене (упоминание захоронения и имя «Анна»), дают о себе знать только в 1439 г. Поэтому вполне возможно и то, что ни захоронение в Софии, ни имя «Анна» никакого отношения к реальной первой жене Ярослава не имеют, а появились по каким-то причинам на более поздних стадиях бытования предания, или же вообще, как считает В.Л. Янин (1988. С. 183), были результатом осознанной «фальсификации» Евфимия II³³.

Уверенно можно говорить лишь о том, что в комплекс представлений новгородцев (или только софийского клира?) о ранней истории Софийского собора входило предание о смерти в год строительства собора матери его основателя – жены Ярослава Мудрого. Важность этого предания привела к тому, что или (как считает А.В. Назаренко) со временем ее образ включил в себя реальные черты двух жен Ярослава, или же (как считает В.Л. Янин) предание обросло неаутентичными подробностями.

Война с чудью³⁴. Помимо общего с ПВЛ известия о походе Ярослава на чудь и основании Юрьева в 1030 г., в новгородском летописании встречаются всего два сообщения о войнах с чудью в XI в. – в НСГ под 1054 г. и в Н1мл. (а также в НСГ, поскольку там воспроизведены все сообщения Н1мл. о новгородской истории XI в.) под 1060 г.:

[1054 г., цит. по: НК1; то же в С1, Н4] И приде Изяслав къ Новуграду и посади Остромира в Новѣградѣ. И иде Остромиръ с новгородци на чюдь, и убиша и чюдь, и много паде новгородцев с ним. И пацы Изяславъ иде на чюдь, и взя осекъ Кедипив, сирѣчь Солнца рука (ПСРЛ. Т. 42. С. 65).

[1060 г., цит. по: Н1мл.; то же в НК1, С1, Н4] Потом же ходи Изяславъ на сосолы и дань заповѣда даяти по 2000 гривень; они же поручьшеся и изгнаша даньники; на весну же, пришедше, повоеваша села о

³³ А.В. Назаренко (2001. С. 491) справедливо пишет, что захоронение Ильи – вероятно, сына Ярослава от первой жены – могло быть утрачено при пожаре деревянной Софии. Однако та же участь должна была постигнуть и захоронение первой жены Ярослава. В.Л. Янин (1988. С. 139) не исключает, что останки «Анны» могут в действительности принадлежать жене, а не матери Владимира Ярославича.

³⁴ Этот раздел в предварительном варианте был мною уже опубликован по-английски: Guimon 2015. S. 36–40. Историография русско-эстонских отношений раннего Средневековья сложна, многоязычна и во многих случаях политизированна. Не претендую на ее полное знание, сошлось на основательный обзор: Селарт 2010.

Юрьевъ, и город и хоромы пожгоша, и много зло створиша, и Плескова доидоша воующе. И изидоша противу имъ плесковицѣ и новгородци на сѣчу, и паде Руси 1000, а сосоль бесчисла (Там же. Т. 3. С. 183).

В обоих случаях речь, конечно, идет о военных столкновениях с эстами, населением современной Эстонии. Однако название крепости, взятой Изяславом («осекъ Кедипив, сирѣчь Солнца рука»), и этноним «сосолы» получали в литературе разные интерпретации.

Кедипив чаще всего отождествляется с городищем Кеава в уезде Рапламаа (к югу от Таллинна, в земле Харьюмаа). Е.Л. Назарова высказалась против такого отождествления. По ее мнению, «осѣкъ» – это завал на лесных дорогах или убежище, сделанное из таких завалов, тогда как Кеава – крепость на вершине холма, окруженная каменным валом. Из общих соображений исследовательница склонна локализовать Кедипив ближе к русским владениям, в области Сакала (в Южной Эстонии: Назарова 2001. С. 285–287). Однако А. Мясалу (Mäesalu 2012. Р. 195–200; историографию вопроса см.: Ibid. Р. 196) привел ряд аргументов в пользу того, что Кедипив – это именно Кеава. Во-первых, еще в 1930-е годы П. Йохансен нашел в источниках XV в. упоминания в этой местности деревни *Kedenpe* и поместья *Kedenpäh*. Данные топонимы предположительно происходят от «архаических форм эстонских слов *käie (käiden)* – “руки” (род. падеж. – *T.G.*) and *päike* – “солнце”; они же, вероятно, имеются в виду в переводе названия “Кедипив” в русских летописях» (Ibid. Р. 196). Во-вторых, как раз в этот период деревянные конструкции на городище Кеава имелись, так что слово «осѣкъ» нельзя назвать по отношению к нему совсем уж некорректным (Ibid. Р. 198). В-третьих, археологические данные говорят о разрушении крепости Кеава как раз примерно в середине XI в. (Ibid.; Lang 2012a. Р. 18, 30–31; 2012b. Р. 204), а также о ее значении в это время как важного регионального центра, который мог стать целью дальнего похода русского войска (Mäesalu 2012. Р. 198–199).

Что касается «сосолов», то их локализовали в Сакале (Южная Эстония), Харьюмаа (Северная Эстония) и даже на острове Сааремаа³⁵. В пользу локализации сосолов в Харьюмаа часть историков³⁶ ссылается на некоторые из поздних русских летописей, в которых перед словом «сосолы» помещено уточнение: «колыванцы»³⁷. Это свидетельство вряд ли отражает что-то

³⁵ См. отсылки: Vahtre 1992. S. 626–627; Mäesalu 2012. Р. 199.

³⁶ См. предыдущее примеч. Впервые: Карамзин 1991. Т. 2–3. С. 234, примеч. 114.

³⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. 24. С. 57; Л., 1977. Т. 33. С. 36; М., 1978. Т. 34. С. 66.

кроме разумения позднего сводчика, понятия не имевшего, кто такие сосолы, и поместившего их в известной ему Колывани (Таллинне)³⁸. Но, тем не менее, локализация «сосолов» в Харьюмаа кажется наиболее вероятной, поскольку события 1054 и 1060 гг. как минимум связаны между собой, а Кедипив, как только что было сказано, почти наверняка находился в Харьюмаа.

Другую проблему составляет датировка событий. Дата «1054 год», вне всякого сомнения, неверна. Из записи Остромирова евангелия мы знаем, что 12 мая 1057 г. Остромир еще был жив (Столярова 2000. С. 13–18) и, следовательно, поход, в котором он погиб, состоялся позже³⁹. А.А. Шахматов предположил, что это произошло в 1060 г., поскольку в НСГ известие о последнем для Остромира походе находится сразу после сообщения о разделении Смоленска – а оно, вероятно, состоялось в 1060 г., после смерти князя Игоря Ярославича. Шахматов считал, что оба известия о войнах с Эстонией (и то, что сейчас датировано 1054 г., и то, что читается под 1060 г.) восходят к новгородскому своду XI в. – и в нем читались подряд, одно за другим⁴⁰.

Еще дальше пошел В.А. Кучкин, осторожно предположивший, что поход Изяслава на сосолов и его же поход на Кедипив – это по-разному описанный в двух источниках один и тот же поход (Кучкин 1985. С. 26, примеч. 60). Попробую развить эту мысль.

Оба известия, несомненно, не представляют собой записей современников. В известии «1054 г.» объединены, очевидно, события нескольких лет, причем случившиеся в основном не ранее 1057 г. Известие 1060 г. тоже, наверное, сообщает о событиях более чем одного года (Алешковский 1976. С. 153), а кроме того несет в себе признаки литературного преувеличения и окру-

³⁸ С. Вахтре (Vahtre 1992. S. 626) отметил, что в двух списках Новгородской IV летописи было вначале написано «колы», а затем исправлено на «ссолы»: ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 120. То же – в Львовской летописи (Там же. СПб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 91). Это, конечно, исправленная описка (двойное *c* похоже на *k*), однако она может объяснить, откуда взялись «колыванцы».

³⁹ На это обращалось внимание неоднократно (Карамзин 1991. Т. 2–3. С. 233, примеч. 114; Шахматов 2002. С. 349; Назарова 2001. С. 283; Vahtre 1992. S. 625; и мн. др.).

⁴⁰ Шахматов 2002. С. 349. Ср. также: Кучкин 1985. С. 25; Назарова 2001. С. 288. С. Вахтре (Vahtre 1992. S. 625) обратил внимание на то, что во Владимирском летописце известие «1054 г.» разделено между двумя годами: поход Остромира описан под 1054 г., а поход Изяслава – под 1055 г. (ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 46). Это, конечно, творчество более позднего летописца, который резонно рассудил, что два похода вряд ли могли произойти в один год.

гления: 1000 погибших новгородцев (и «бещисла» сосолов) и 2000 гривен дани, которую чужь должна была выплачивать⁴¹.

Скорее всего, эти два сообщения не происходят из одного источника, но, наоборот, записаны в разное время, вероятно – в разных местах и независимо друг от друга. Известие «1054 г.» относится к группе уникальных известий НСГ о событиях XI в., которую можно возвести к киевскому Начальному своду 1090-х годов (Гимон 2012. С. 657–660, 675–676) или, может быть, более раннему киевскому тексту (Гиппиус 2012). Известие 1060 г. относится к аналогичной группе сообщений в Н1мл., которая атрибутируется новгородскому сводчику 1160-х годов (Гимон 2012. С. 641–650)⁴².

Коль скоро эти два известия записаны независимо друг от друга и не современниками событий, в обоих случаях источником информации послужила устная традиция. Два летописца, независимо друг от друга, *одно из немногих* сообщений о Новгороде XI в. посвятили

⁴¹ Отмечалось, что последняя сумма совпадает с той, которую, согласно летописи, Ярослав Мудрый, будучи новгородским князем, должен был ежегодно выплачивать в Киев (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130; Т. 2. Стб. 114; Т. 3. С. 168; см.: Vahtre 1992. S. 628; Вилкул 2003. Р. 28, примеч. 104). Можно добавить, что и 1000 погибших новгородцев соответствуют числу новгородцев, казненных Ярославом Мудрым («вои славны тысящу»: ПСРЛ. Т. 3. С. 174). Однако дает ли это совпадение цифр (округленных и, возможно, преувеличенных) что-нибудь для понимания известия о войне с чужью?

⁴² А.А. Шахматов заметил, что псковичи упомянуты в данном известии раньше новгородцев, и на этом основании счел его псковской записью (2002. С. 349; ср.: Назарова 2001. С. 288). На мой взгляд, это маловероятно, учитывая отсутствие каких-либо других данных о псковском летописании ранее XIII в. (известие о походе Всеслава Полоцкого на Псков, которое Шахматов тоже считает ранней псковской записью [2002. С. 160, примеч. 1], имеет явно позднее происхождение [см. ниже и: Гимон 2011]). Скорее, здесь отразился реальный ход событий (как его представлял себе летописец): псковичам пришлось отражать первый натиск сосолов, и только потом подоспела помощь из Новгорода. Также Шахматов (2002. С. 160, примеч. 1) обратил внимание на необычное для ранних новгородских памятников употребление слова «Русь» в «широком» значении (вся Древняя Русь, а не только Среднее Поднепровье). М.Х. Алешковский (1976. С. 157) это же считал признаком южнорусского происхождения данного известия. Однако для второй половины XII в. есть ряд примеров такого словоупотребления, и не только на юге (Ведюшкина 1995. С. 110–113). Например, в рассказе о походе Всеволода Суздальского на Волжскую Булгарию 1183 г. слово «Русь» употреблено несколько раз для обозначения «нашей» (древнерусской, христианской) стороны (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 625–626). Т.Л. Вилкул (2003. Р. 28, примеч. 104) считает, что известие 1060 г., как и другие оригинальные (в сравнении с Син.) известия Н1мл., появились уже в XV в. По ее предположению, сообщение о войне с сосолами было призвано подкрепить новгородские претензии на Юрьев. Однако неясно, как известие о взятии Юрьева чужью могло подкрепить такие претензии, равно как и то, почему это ведет к датировке записи именно XV (а не, скажем, XII) веком.

войне с чудью. Более того, эти две независимые записи оказались помещены под весьма близкими датами. Поэтому, скорее всего, здесь речь идет об *одной и той же* войне с чудью, которая по каким-то причинам занимала важное место в исторической памяти Новгорода.

Проблема, однако, состоит в том, что в известии «1054 г.» вначале говорится о поражении новгородцев (когда погиб Остромир «и много паде новгородцев с ним»), а затем – о победоносном походе Изяслава (когда был взят Кедипив). В известии 1060 г., напротив, вначале говорится о победоносном походе Изяслава, а затем – о нападении сосолов на Псков и гибели множества новгородцев. Здесь возможны два решения. Во-первых, война в действительности могла состоять из трех эпизодов: 1) неудачный поход Остромира; 2) победоносный поход Изяслава (взятие Кедипива и наложение дани); 3) нападение сосолов на Псков и страшная битва⁴³. Во-вторых, эпизодов войны могло быть всего два: 1) победоносный поход Изяслава (взятие Кедипива и наложение дани) и 2) нападение чуди на Псков (когда погибли Остромир и множество новгородцев), – но разные летописцы зафиксировали (или сконструировали) два рассказа об этих событиях в разной последовательности. Второй вариант выглядит натяжкой: он требует предположения, что в одном из двух известий последовательность событий была изменена – будь то в устной традиции или при записи – на противоположную реальной. Поэтому предпочтителен первый вариант. Однако независимых данных о том, что за события в действительности имели место около 1060 г., у нас нет, и поэтому, как и во многих других случаях, мы можем только анализировать и сравнивать две версии/записи устного предания.

Запись «1054 г.», сделанная предположительно в Киеве, сосредоточена на фигуре Остромира. Летописец хочет сообщить о посадении Изяславом Остромира в Новгороде и об обстоятельствах его гибели. Это известие можно рассматривать в одном ряду с двумя другими сообщениями о наместниках князей в Новгороде: о посадении Владимиром Добрыни (под 980 г., в ПВЛ и НСГ) и о посадении Ярославом Коснятина Добрынича и казни последнего (под 1018–1019 гг., в НСГ). Летописец как будто прослеживает, как представители трех

⁴³ Или так: 1) победоносный поход Изяслава на чудь и наложение дани; 2) нападение чуди на Псков и страшная битва (в которой погиб выступивший навстречу чуди Остромир); 3) ответный поход Изяслава (взятие Кедипива). Эта последовательность кажется менее вероятной, поскольку в таком случае придется предположить, что Изяслав за короткое время дважды приезжал на север чтобы возглавить поход на чудь.

поколений Рюриковичей оставляли править Новгородом троих бояр – Добрыню, его сына Коснятина и, наконец, Остромира⁴⁴. Остромир, вероятно, был дедом Яня Вышатича⁴⁵ – информанта создателя Начального свода, помимо прочего сообщавшего ему сведения из истории Новгорода (см.: Гимон 2014. С. 85–96). Известие «1054 г.» впервые было записано, скорее всего, со слов Яня. Поэтому интерес к войне с чудью здесь вторичен, главное – судьба Остромира. Однако летописец всё же отмечает, что уже после гибели Остромира князь Изяслав совершил победоносный поход на чудь, и даже помнит название взятой тогда крепости, причем и по-эстонски, и в переводе на древнерусский язык⁴⁶. Следовательно, информант летописца (вероятно, Янь) был носителем не просто памяти об Остромире, но также и памяти о войне с чудью в середине XI в.

Запись 1060 г., сделанная предположительно в Новгороде в 1160-х годах, не упоминает ни Остромира, ни крепости Кедипив. Она дает более развернутое описание нескольких этапов военных действий, а также приводит уже упомянутые круглые цифры, касающиеся размеров дани и числа погибших. Значит, война ок. 1060 г. помнилась новгородцам, во-первых, как очень кровопролитная и, во-вторых, как время, когда чудь была обложена большой данью. То и другое, скорее всего, актуализировалось во время каждого военного конфликта с чудью, каковых на протяжении XII в. мы знаем немало. Можно представить себе (конечно, не без доли фантазии), что, отправляясь в очередной поход в эстонские земли, новгородцы вспоминали князя Изяслава Ярославича и наложенную им на чудь дань, а также хотели отомстить за гибель «1000» их предков под Псковом.

⁴⁴ См. подробнее: Гимон 2013. С. 101–102. Предполагалось, что Остромир был сыном Коснятина. Может быть, и так, но единственным аргументом в пользу такой родственной связи как раз и является схожее положение этих двоих как княжеских наместников в Новгороде и сходство летописных известий о них (см.: Там же. С. 82–84, 102, 110–111).

⁴⁵ См. обзор «за» и «против» см.: Гимон 2013. С. 76–82.

⁴⁶ Этот факт не заставляет считать известие «1054 г.» записью современника. Дело в том, что и другие эстонские топонимы были хорошо известны на Руси именно в переводах: Медвежья Голова (Отпя), Бор (Сууреметса), Воробьин (Варбола) и т.д. (Назарова 2001. С. 287–288). Е.Л. Назарова считает, что традиция перевода эстонских названий складывается в первой половине XII в. и что «перевод топонима *Kedutiv* на русский язык был добавлен в текст первоначальной записи при перенесении ее в более поздний свод» (Там же. С. 287). По-моему, это избыточное предположение: запись «1054 г.» проще рассматривать именно как древнейшее свидетельство этой традиции.

Нападение Всеслава на Новгород. В 1066 г. Всеслав Брючич Полоцкий захватил Новгород, а в 1069 г. был побежден у стен города, на реке Гзени, новгородским войском под началом князя Глеба Святославича. Весьма эмоциональные известия об этих двух событиях имеются уже в Син., причем, скорее всего, они воспроизводят записи, сделанные современником (Гимон 2012. С. 634–636, 640). В Н1мл. об этих событиях упомянуто коротко, в рассказе, взятом целиком из ПВЛ. В НСГ воспроизведены известия Син. в несколько иной редакции. Текст НСГ короче, чем в Син., однако в нем появились две новые фактические детали (в 1066 г. Всеслав захватил Новгород «до Неревского конца», а в 1069 г. крест Владимира был обретен «на полатах, егоже взял бѣ Всеслав ратью в святѣи Софии»): ПСРЛ. Т. 3. С. 17; Т. 42. С. 67–68). Сделаны ли эти дополнения на основании устной традиции или соображений сводчика XV в., сказать трудно. Я бы не стал писать об этом сюжете в контексте настоящей статьи, если бы не три *неновгородских* свидетельства того, что устная традиция о данных событиях в Новгороде существовала.

Во-первых, в ПВЛ под 1063 г. записано:

В се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять днии 5. Се же знамень не добро бысть, на 4-е бо лѣто поже Всеславъ градъ (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 163).

О захвате Всеславом Новгорода ПВЛ очень коротко сообщает под 1067 г. А.А. Шахматов считал, что известие ПВЛ под 1063 г. восходит к новгородскому письменному источнику (2002. С. 128–129), однако более вероятно его происхождение из устных рассказов Яня Вышатича. Хотя данное известие, скорее всего, обязано своим попаданием в летопись тому факту, что в следующем, 1064 г., Вышата бежал из Новгорода (см.: Гимон 2013. С. 94), а комментарий к нему отражает интерес создателя Начального свода к дурным знамениям (Михеев 2011. С. 139), всё-таки оно может косвенно говорить и о важности для Новгорода памяти о событиях 1060-х годов.

Более надежно второе свидетельство. Под 1178 г. Ипатьевская летопись подробно рассказывает о действиях в Новгороде князя Мстислава Ростиславича (внука Мстислава Великого). В частности, эта летопись сообщает:

И на весну съдума с мужи своими, поиде на Полтѣскъ, на зятя на своего на Всеслава, ходилъ бо бѣше дѣдъ⁴⁷ его на Новѣгородъ и взялъ ерусалимъ церковный и сосуды служебныѣ, и погость одинъ завель [за Пол]тескъ⁴⁸. Мѣстиславъ же все то хотя оправити, Новгородскую волость и обиду (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 608).

Как справедливо писал Д.С. Лихачёв (1985. С. 77), перед нами прямое свидетельство о том, что захват Всеславом Новгорода спустя более чем столетие оставался в исторической памяти и воспринимался как обида, способная воодушевить новгородцев на поход в Полоцкую землю. Этому, очевидно, способствовал территориальный спор («погость одинъ»).

Третье, тоже весьма яркое, хотя и косвенное, свидетельство относится уже к XV в. В ряде летописей под 1065 г. читается известие о безуспешной осаде Всеславом Пскова. Оно известно в двух редакциях: одна представлена в НСГ, другая – в Псковской II летописи. Анализ этого сообщения, в котором упомянуты такие поздние реалии, как перси (псковские укрепления) и пороки (осадные машины), показывает, что оно вряд ли восходит к подлинной записи XI в. Скорее, перед нами запись псковского предания, сделанная уже в XV в. (или, по крайней мере, не ранее 1337 г., когда были сооружены псковские перси). Содержание этого предания примечательно: Всеслав, в 1066 г. захвативший и разграбивший Новгород, годом ранее *не сумел* захватить Псков. Особенно наглядно это выражено в Псковской II летописи, где сообщений за XI в. всего два: о неудачном походе Всеслава на Псков и об удачном – на Новгород:

В лѣто 6573. Князь полотскыи Всеславъ, събравъ силы своя многыя, прииде ко Пскову, и много тружався съ многыми замыслени и пороками шибавъ, отъиде ничто же оуспевъ.

В лѣто 6574. Князь Всеслав Полотскыи, пришед ратью, взя Новгород и пожже. А по томъ на 3-ее лѣто побѣдиша новгородци Всеслава на Кзѣне (ПСРЛ. Т. 5. 2-е изд. Вып. 2. С. 18–19).

⁴⁷ В действительности – прадед. Слово «дѣдъ» не строго в значении «отец отца» использовано и ниже в той же статье, где «дедом» Мстислава Ростиславича назван Всеволод (видимо, Всеволод Ярославич, в действительности прапрадед Мстислава – см. также примеч. 50).

⁴⁸ В квадратных скобках – из Хлебниковского списка. Так же исправлено другой рукой в Ипатьевском списке.

Очевидно, что псковское предание о Всеславе противостояло соответствующему новгородскому (см. подробнее: Гимон 2011). На мой взгляд, это доказывает бытование в Новгороде в XIV–XV вв. памяти о событиях 1060-х годов, несводимой к дошедшим до нас кратким летописным записям.

* * *

Рассмотренные четыре сюжета говорят о том, что, наряду с летописью и иными формами письменной фиксации событий, в средневековом Новгороде, как и везде, существовал обширный пласт устных исторических преданий. Некоторые из них касались событий XI в. – века, когда были выданы легендарные «Ярославли грамоты» и построен Софийский собор. Именно в силу расхожести и общеизвестности рассказы об этих событиях не нуждались в специальном записывании – однако они отражались в летописании тогда, когда тот или иной книжник брался за ретроспективное редактирование/уточнение летописи. Благодаря тому, что это происходило неоднократно, у нас есть возможность сравнивать разновременные записи одних и тех же сюжетов и рассуждать – пусть неизбежно гипотетически – об эволюции устной традиции о соответствующих событиях.

Вероятно, историческая память о разных событиях XI в. имела разное значение для разных групп новгородского общества и в разных ситуациях. Память о Ярославе и его «грамотах», конечно, касалась Новгорода в целом, как политического образования, одним из символов которого и являлись «грамоты». Она была тесно связана с ритуалом присяги новгородских князей «на грамотах Ярославлих». Память о войне с чудью ок. 1060 г., вероятно, актуализировалась тогда, когда новгородцы в очередной раз воевали с этим народом, – подобно тому, как память о битве «на Кулачьскѣи» 1096 г. повлияла на поведение новгородцев во время похода в Суздальскую землю в 1216 г. Аналогичное значение имело предание о войне с Всеславом Полоцким, коль скоро о ней вспомнили, собираясь в поход на Полоцк в 1178 г. Судя по тому, что конкурирующее с новгородским предание возникло во Пскове⁴⁹, память о захвате Всеславом Новгорода дожила до

⁴⁹ Кстати, взаимоотношения псковских и новгородских преданий могли бы составить отдельную тему для исследования. Например, зафиксированная в конце XIV – XV в. псковская традиция об «Александровой грамоте» почти наверняка противопоставлялась новгородской традиции о грамотах Ярослава (Алексеев 1997. С. 126–135, особенно с. 129).

XIV–XV вв. и актуализировалась не только во время военных походов. Наконец, предание о смерти жены Ярослава Мудрого в год строительства Софийского собора, возможно, имело более локальное значение, его носителем мог быть софийский клир⁵⁰.

ЛИТЕРАТУРА

- Азбелев С.Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
- Азбелев С.Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007.
- Азбелев С.Н.* Куликовская битва в народной памяти: Литературные памятники куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб., 2011.
- Алексеев Ю.Г.* Псковская Судная грамота: Текст. Комментарий. Исследование. Псков, 1997.
- Алешковский М.Х.* К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст., 1975. М., 1976. С. 133–167.
- Арциховский А.В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. [2-е изд., доп.] Томск; М., 2004.
- Боброев А.Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.
- Введенский А.М.* Лингвистические критерии выявления источников устного происхождения в летописании (на примере расположения энклитики «ся» в тексте ПВЛ) // ДРВМ. 2008. С. 50–56.
- Введенский А.М.* Текстологический анализ летописного сказания о крещении Новгорода // ТОДРЛ. 2009. Вып. 60. С. 267–280.

⁵⁰ Устная традиция о событиях XI в. почти наверняка не ограничивалась проанализированными сюжетами. Например, могли существовать предания, связанные со строительством Софийского собора (заложен в 1045 г.). В летописях представлены две версии этого события – запись современника (в Син.) и более поздняя, носящая следы сознательного конструирования (в Н1мл. и НСГ – см.: Гимон 2012. С. 634–636, 640–649). В какой мере последняя использовала устную традицию, сказать невозможно. Одно из преданий, связанных со строительством Софии, – о сжатой руке Христа на фреске – известно по записям XVI–XVII вв., но вряд ли сложилось ранее XV в. (см.: Печников 2015. С. 230–231). Намек на еще один сюжет из XI в. находим в уже цитированной статье 1178 г. Ипатьевской летописи. В ней, в рассказе о смерти Мстислава Ростиславича в Новгороде, приводится плач новгородцев, в котором есть такие слова: «...якоже и дѣдъ твои Всеволодъ свободилъ ны бяше отъ всѣхъ обидъ, ты же бяше, господине мои, сему поревноваль» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 610). Скорее всего, речь идет о прапрадеде Мстислава Ростиславича – Всеволоде Ярославиче (ум. 1093), который новгородского стола, насколько известно, не занимал, но, согласно перечню князей, «присла... внука своего Мьстислава» (Там же. Т. 3. С. 161), деда Мстислава Ростиславича. Если так, то о Всеволоде Ярославиче в Новгороде тоже существовала устная традиция, о содержании которой мы ничего не знаем (ср.: Флоря 2009. С. 298–299; Лукин 2014. С. 512, примеч. 35).

- Ведюшкина И.В.* «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в. // ДГ, 1992–1993 годы. М., 1995. С. 101–116.
- Вилкул Т.Л.* Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2003. Vol. 11. P. 5–35.
- Гимон Т.В.* Сообщение о походе Всеслава Полоцкого на Псков в 1065 г. в летописании XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVI вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: Сб. тр. междунар. науч. конф., 19–21 мая 2010 г. Псков, 2011. С. 13–33.
- Гимон Т.В.* События XI – начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 584–703.
- Гимон Т.В.* Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи // ДГ, 2011 год: Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 65–117.
- Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.
- Гиппиус А.А.* К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств: Мат-лы конф. М., 2012. С. 41–50.
- Гринёв Н.Н.* Краткая редакция Русской Правды как источник по истории Новгорода XI в. // НИС. 1989. Вып. 3 (13). С. 20–42.
- Земляков М.В.* Законы кентских королей VII в. в Рочестерском кодексе (*Textus Roffensis*): Обстоятельства появления и структура // Источниковедческие исследования. М., 2014. Вып. 6. С. 9–31.
- Зимин А.А.* Правда Русская. М., 1999.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1991. Т. 2–3.
- Карпов А.Ю.* Ярослав Мудрый. М., 2001.
- Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
- Комарович В.Л.* Китежская легенда: Опыт изучения местных легенд. М.; Л., 1936.
- Конявская Е.Л.* Устные источники сказаний о чудотворных иконах // ВЕДС-XXII: Устная традиция в письменном тексте. М., 2010. С. 134–139.
- Котляр Н.Ф.* «Отчина» Ярославичей (историческая память в летописи) // ВЕДС-XXII: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 61–67.
- Котляр Н.Ф.* Ярослав и его время в общественном сознании второй половины XI – XIII в. // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 202–214.
- Кучкин В.А.* «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века // ВИ. 1985. № 11. С. 19–35.
- Лихачёв Д.С.* Софийский временник и новгородский политический переворот 1136 г. // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 240–266.
- Лихачёв Д.С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л., 1985.

- Лукин П.В. Новгородское вече. М., 2014.
- Лурье Я.С. История России в летописании и в восприятии Нового времени // Лурье Я.С. Россия древняя и Россия Новая. СПб., 1997. С. 11–172.
- Мельникова Е.А. Устная традиция в Повести временных лет: К вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 153–165.
- Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // ДГ, 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 48–92.
- Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: Избр. тр. М., 2011.
- Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
- Мусин А.Е. «Род русский», «род варяжский», «род прусский»: Миграции и историческая память как факторы политогенеза // ВЕДС-XXIV: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 192–197.
- Назаренко А.В. Крещение св. Владимира в устной и письменной традиции древнейшей поры (XI в.) // ВЕДС-ХП: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 42–48.
- Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.
- Назарова Е.Л. Заметки к истории похода на чудь 1054 г. // Норна у источника Судьбы: Сб. ст. в честь Е.А. Мельниковой. М., 2001. С. 282–288.
- Никольский С.Л. «Древнейшая правда» Ярослава: дружинное право в становлении государственного законодательства // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 55–67.
- Петров А.В. От язычества к святой Руси: Новгородские усобицы: К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003.
- Печников М.В. «А се новгородскыи епископы»: Спорные вопросы ранней церковной истории Новгорода (конец X – 70-е гг. XI в.) // Вестник церковной истории. М., 2015. № 3/4 (39/40). С. 207–274.
- Плахонин А. Историческая память и почитание предка княжеской династии Вольнской и Галицкой земель XIII в. // А се его серебро: Зб. праць на пошану чл.-корр. НАН України М.Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002. С. 157–160.
- Рыжова Е.А. Архитектоника русской агиографии: композиционный эпизод «выбор места основания монастыря или храма» (Мотив «плавание святого» в контексте устной традиции) // ТОДРЛ. 2009. Вып. 60. С. 51–84.
- Селарт А. Власть русских князей в Прибалтике в XI–XIII вв.: источники и интерпретация // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время: Сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 284–294.
- Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 2: Святой Восток, ч. 1.

- Столярова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000.
- Стратонов И.А.* К вопросу о составе и происхождении Краткой редакции Русской Правды. Казань, 1920.
- Толочко А.П.* Краткая редакция *Правды Русской*: Происхождение текста. Київ, 2009.
- Усачёв А.С.* Жизнеописание святого: Между устным рассказом и литературным топосом (на материале жития Козьмы Яхромского) // ВЕДС-XXII: Устная традиция в письменном тексте. М., 2010. С. 256–260.
- Усачёв А.С.* «Насыщение событиями» первых веков истории Древнерусского государства в исторических сочинениях XVI в. // ВЕДС-XXIII: Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. М., 2011. С. 286–292.
- Флоря Б.Н.* Новгород и князья в XII в. // Великий Новгород и средневековая Русь: Сб. ст. к 80-летию акад. В.Л. Янина. М., 2009. С. 295–299.
- Цукерман К.* О Правде Русской // *Ruthenica*. Київ, 2014. Вип. 12. С. 108–156.
- Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XVI вв. М., 1948. Т. 1.
- Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах.
- Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях: Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.
- Щавелев А.С.* Традиции викингов в воинской культуре средневековых новгородцев // *Викинги: Между Скандинавией и Русью*. М., 2009. С. 262–273.
- Щавелев А.С.* «Устный нарратив» в первых славянских летописях и хрониках: Идентификация и реконструкция // ВЕДС-XXII: Устная традиция в письменном тексте. М., 2010. С. 283–289.
- Янин В.Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // *ЛХ*, 1980. М., 1981. С. 153–181.
- Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988.
- Guimon T.V.* Estonia during the Eleventh and Twelfth Centuries in the Novgorodian Chronicles // *Forschungen zur baltischen Geschichte*. Tartu, 2015. Bd. 10. S. 31–45.
- Lang V.* Building remains at the hill fort of Keava // *Estonian Journal of Archaeology*. Tallinn, 2012. Suppl. 1: Keava – ‘The Hand of the Sun’. P. 1–35. (a)
- Lang V.* Settlement development and power structures in the Late Iron Age Harju district // *Estonian Journal of Archaeology*. Tallinn, 2012. Suppl. 1: Keava – ‘The Hand of the Sun’. P. 201–225. (b)
- Mäesalu A.* Could *Kedipiv* in East Slavonic Chronicles be Keava hill fort? // *Estonian Journal of Archaeology*. Tallinn, 2012. Suppl. 1: Keava – ‘The Hand of the Sun’. P. 195–200.

Vahtra S. Kiovan Venäjä ja Viro, 1030–1061 // Suomen varhaishistoria: Tornion kongressi 14.–16.6.1991: Esitelmät Referaatit. Rovaniemi, 1992. S. 622–630.

Timofey V. Guimon

ORAL TRADITION ON ELEVENTH-CENTURY EVENTS IN MEDIEVAL NOVGOROD

Oral historical tradition, no doubt, flourished in Old Rus, as everywhere in archaic societies. Many studies have been dedicated to it, but mostly either to the oral sources of the earliest extant Rus historical narrative (the *Primary Chronicle* of the early twelfth century), or to folkloric texts reflected in much later records. As for the ‘middle period’ (say, from the twelfth to the fourteenth century), attention only has been paid to some direct references to historical memory in the texts. Although no records of folklore survive from this period, it seems possible to approach the oral tradition via a study of differences between various annals in representing the same events. If several chroniclers pay special attention to certain events, if they, when creating a new version of the annals, change or add details (as if they dispute with each other), it can be supposed that they know of those events from outside their written sources – that is from the oral tradition. Such a hypothesis is capable to explain the existence of alternative versions of some events in the annals. In some cases it can be supported by direct references to historical memory made by the annalists, or by some indirect data. The author analyzes from this point of view notes on four eleventh-century events written down from the late eleventh to the first half of the fifteenth century: 1) the ‘charter(s)’ which Yaroslav the Wise is said to have given to Novgorod and on which the princes of Novgorod later took the oath; 2) the death of Yaroslav the Wise’s wife in the year of the construction of St Sophia Cathedral; 3) the war(s) against the Chuds (Eesti) c. 1060; 4) the capture of Novgorod by Prince Vseslav of Polotsk in 1066.

Key words: Old Rus, Novgorod, oral tradition, legends, annals, chronicles, textual history, source studies, Yaroslav the Wise, the Chuds, Vseslav of Polotsk.